

А.О. Пронин (Новосибирск)

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ РОССИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА СРЕДИ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ XVII–XIX ВЕКОВ

ВКЛЮЧЕНИЕ Западной Сибири в состав Российского государства превратило его в северного соседа Казахского ханства, что способствовало установлению регулярных политических, экономических и военных контактов. Длительное соседство двух народов не могло не привести к активному культурному диалогу, что нашло отражение в costume, материальной и духовной культуре жителей пограничных территорий. Данному процессу весьма способствовало постепенное вхождение казахских жузов в состав Российской империи. Особой сферой межнационального российско-казахского культурного диалога было взаимовлияние военных традиций двух народов. Это проявилось в оружейной сфере, военном costume, тактике ведения боя, военной организации и т. д. Одной из форм процесса взаимовлияния в военной сфере было заимствование у соседей определенных типов и видов вооружения (рис. 1). Подобные заимствования были вызваны целым рядом причин. Главным критерием выступала эффективность того или иного вида вооружения в определенный исторический период применительно к особенностям степного театра военных действий. Однако большую роль играла также престижность, высокое качество исполнения, художественная ценность оружия и т. д. В данной статье мы рассмотрим тему российско-казахского военного сотрудничества на примере распространения среди казахов российских сабель в XVIII–XIX вв. Под саблей мы понимаем особый вид рубяще-режущего или рубящее-колошечного оружия с кривым однолезвийным клинком длиной более 50 см и рукоятью с гардой. Целью работы является выявление источников поступления российских сабель в казахские войска на протяжении XVIII–XIX вв.,

**Рис. 1. Акварель Г. Опица (1775–1841)
«Казак и башкир», начало XIX в.
(частное собрание, Казахстан)**

определение основных категорий потребителей данного клинкового оружия, фиксация типов российских сабель, применявшихся казахами в данный период.

Рассматриваемая тема еще не становилась объектом специального научного исследования. Источниковая база представлена вещественными, письменными и изобразительными материалами. Вещественные источники включают материалы старых оружейных коллекций, военных arsenалов, а также случайные находки на террито-

рии Республики Казахстан. Изобразительные источники представлены картинами и рисунками российских и западноевропейских художников XVIII–XIX вв., фотографиями второй половины XIX в. Письменные источники – сообщениями российских и западноевропейских путешественников, чиновников, офицеров, этнографов и купцов XVIII–XIX вв.

Прежде чем перейти к анализу российских сабель, применявшихся казахскими воинами, необходимо дать краткую характеристику особенностей процесса формирования комплекса казахского клинкового оружия позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Практически все современники, посещавшие Дашт-и-Кипчак в XVIII–XIX вв., сходились на том, что главным импортером сабель в Казахскую степь были города Средней Азии. Н.П. Рычков, описывая вооружение казахов (в том числе и сабли) сообщал: «Оружие покупалось, главным образом, в Ташкенте. Жители этого города – лучшие

ремесленники всех этих мест»¹. А.И. Левшин писал: «Сабель совсем не умеют делать и достают их, равно как панцири, ружья и большую часть пороха, из Хивы, Бухарии, Персии, Ташкента и Кашкара... Бухарцы, хивинцы и ташкентцы также большую часть променивают им бумажные и шелковые ткани, стеганные халаты, ружья, сабли, порох и проч.»². Судя по отзывам современников, сабли в войска К. Касымова в первой половине XIX в. также поступали из городов Средней Азии. Кроме того, значительную часть длинноклинкового оружия повстанцев составляли трофеи, добытые в столкновениях с лояльными Российской империи казахскими родами и при грабеже торговых караванов. В частности, штабс-капитан Фомаков отмечал в 1844 г.: «Ружья и сабли получают из Бохары и Хивы, но более всего от караванов и киргизов же»³. По информации Ч.Ч. Валиханова казахи применяли: «Сабли кривые, персидской, турецкой, хивинской или бухарской работы. Персидские «исфагани» очень ценились под названием «наркескен». Теперь киргизы носят прямые, так называемые сапы или шапы, похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось»⁴. По замечанию И.А. Парамонова, «хорошие клинки» «киргиз» (казахов) «вывезены из Персии»⁵. Информация письменных источников о наличии в казахских войсках значительного количества сабель передне- и среднеазиатского производства подтверждается вещественными и фольклорными материалами. В казахских сказаниях упоминаются иранские и туркменские сабли. Судя по особенностям отделки и оформления, большая часть подлинных сабель казахских воинов из музейных и частных собраний Казахстана и России действительно изготовлена иранскими и узбекскими мастерами.

Популярность сабель среднеазиатского производства среди состоятельных казахских воинов XVII–XIX вв. была обусловлена их относительной доступностью и достаточно высоким качеством исполнения. Ремесленные центры вилайета Туркестан (присырдарьинские города), Мавераннахра и Кашгарии являлись крупнейшими производителями и экспортерами вооружения в среднеазиатском регионе на протяжении позднего Средневековья и раннего Нового времени⁶. Вторая причина популярности среднеазиатского импорта в Казахстане заключалась в достаточно широком выборе выпускаемой продукции. Бухарские, хивинские и ташкентские мастера могли предложить степным батырам как дорогие симбиотические образцы клинкового оружия, состоящие из булатной сабельной полосы

персидского производства в комбинации с рукоятью и роскошными ножнами среднеазиатского образца, так и значительно более дешевые сабли, изготовленные местными мастерами. Согласно сведениям современников в канун завоевания Россией Средней Азии: «Кузниц в одном Ташкенте до 100; кузнецы делают сабли, которые бывают двух сортов: шап – прямая и тяжелая и клыч – кривая и легкая»⁷. Кроме Ташкента собственные мастерские по производству клинкового оружия имелись в Бухаре, Хиве, Коканде и других городах региона. Так, например, в Самарканде «при бухарском владычестве» клинковое «оружие выделялось на базаре в 15 открытых лавках. Хороших мастеров считалось шесть»⁸. На «изготовление сабли низкого достоинства» уходило от 3 до 5 дней, а «на выделку сабли высокого достоинства – до 15 дней» (там же).

Наряду со сборкой симбиотических сабель и их самостоятельным производством особым направлением деятельности среднеазиатских оружейников была переделка старых сабель с булатным клинком. Из переданного в «лом» булата отковывались новые сабельные полосы, которые затем снабжались новыми рукоятями и ножнами. Процедура эта была далеко не простой, и не всегда мастерам удавалось сохранить высокие свойства булатной стали. Основным центром переделки булатных клинков был город Гиссар (на территории нынешнего Таджикистана), несколько мастеров, занимавшихся перековкой «булатного металла», работали также в Самарканде⁹.

Вторым по значимости импортером сабель к казахам в XVIII – первой половине XIX вв. был Иран¹⁰. Судя по данным письменных источников, из Ирана завозились полуфабрикаты (как правило, клинки) либо готовые сабельные комплекты. В первом случае изготовлением и отделкой рукояти и ножен занимались узбекские или казахские мастера. Импортные иранские сабли стоили весьма дорого, но отличались высоким качеством исполнения.

Некоторое количество сабель изготавливалось непосредственно во владениях казахских ханов. Захваченный в плен яйцкими казаками в бою 25 августа 1726 г. Исенали Каракулов на вопрос о том, где казаками было приобретено оружие, ответил буквально следующее: «...а войска было пятьсот человек с фузеи фитильными, также с сайдаки, копы и сабли; то ружье¹¹ делают у них в улусах касаки¹², а не у кого не купили...»¹³. Клинковое оружие изготавливалось и в подвластных казахам присырдарьинских городах, в том числе и в столице казахских ханов г. Туркестане. В частности, И.П. Парамонов,

описывая процесс производства сабель в Средней Азии, отметил, что «выделкой оружия славился также город Туркестан»¹⁴. Нет оснований преувеличивать значение сабель местного производства в общем массиве длинноклинкового оружия, применявшегося казахскими воинами. Местное кустарное сабельное производство в степных улусах не конкурировало, не вытесняло, а дополняло комплекс импортного длинноклинкового оружия, представленного изделиями среднеазиатских (ташкентских, бухарских, хивинских), кашгарских и иранских оружейников.

Таким образом, в момент включения казахских жузов в состав России ниша казахского длинноклинкового оружия (причем во всех ценовых сегментах) была занята продукцией среднеазиатских, иранских и местных мастеров. Однако российские оружейные мануфактуры изначально и не собирались конкурировать с ними. Более того, тема поставок сабель, как и другого вооружения, долгое время официально даже не обозначалась. Напротив, еще в XVI–XVII вв. царское правительство выпустило целый ряд специальных указов, в которых строжайшим образом запрещало своим подданным продавать оружие кочевникам¹⁵. Но оно появилось и получило известное распространение, о чем свидетельствуют вещественные, изобразительные и письменные материалы.

Первые образцы клинкового оружия из России казахская знать получала в качестве дипломатических подарков от русских царей. Уже при установлении первых дипломатических контактов между царским двором Федора Ивановича и Таукел-ханом («Тевкелю-царя») в подарок казахским «царевичам» были отправлены «ножи двойни»¹⁶. К сожалению, основная часть документов о казахско-российских контактах в XVII в. до нашего времени не сохранилась¹⁷. Но с большой долей вероятности можно полагать, что практика дипломатических даров казахским правителям в виде клинкового оружия сохранялась и в последующем. В пользу этого свидетельствуют факты посылки сабель в ставки монгольских и ойратских владык. Так, например, в 1617 г. московские власти послали в подарок северомонгольскому Алтын-хану Шолою Убаши-хунтайджи саблю, предположительно, российского производства. В 1635 г. (по другим данным — в 1634) российский посланец Яков Тухачевский преподнес в подарок новому Алтын-хану Омбо Эрдени-хунтайджи «саблю с поясом». Судя по всему, «Золотой хан» остался доволен подношением, так как в ответном письме он просил прислать ему еще одну саблю русского производства.

В 1691 г. монгольскому тайдже Мерген Ахаю были преподнесена «сабля оправная новая, полоса обоюдыострая, булатная, ножны хоз черной, оправа и крыж серебряные с чернью под золотом на турецкое дело; черен рыбей шедровой, ценою в 17 рублей; да на той же сабле сорочка суконная»¹⁸.

«Опоясывание» саблей являлось символом благоволения и покровительства со стороны официального Петербурга к своим кочевым подданным. Вручение «царской» (присланной от царя/императора) сабли вступающему на престол кочевому правителю в XVII–XVIII вв. стало важнейшим элементом соответствующей праздничной церемонии и символом поступления ее владельца на воинскую «царскую службу». В 1737 г. калмыцкий Дондук-Омбо за победу над кубанскими татарами и в связи со вступлением на ханский престол был награжден саблей и знаменем. В 1801 г. возводимому в достоинство калмыцкого наместника тайше Чучею российские посланцы передали «знамя, саблю с надписью, соболью шубу и шапку»¹⁹.

Принятие казахскими правителями российского подданства ознаменовало распространение «государева жалованья» на представителей кочевой знати Дашт-и-Кипчак. В 30–50-е гг. XVIII в. на казахских ханов и султанов пролился настоящий «дождь» из жалованных драгоценных сабель. В 1731 г. российский посланник А.И. Тевкелев передал от имени императрицы Анны Иоанновны саблю правителю Младшего жуза хану Абулхаиру²⁰. По данным К.С. Ахметжана, при утверждении на ханство этот казахский правитель был также награжден «золотой саблей»²¹. В 1742 г. губернатор И. И. Неплюев преподнес все тому же Абулхаиру «саблю с бирюзой», пару пистолетов «в медной оправе» и железный панцирь²². В том же году «дорогая сабля в золотой оправе» была передана султану Бараку через его посла батыра Сырымбета²³. Сыновья Абулхаир-хана Нурали-султан и Ерали-султан получили в подарок от царского правительства по «штуцере с медною оправою» и по «сабле оправленных серебром». Джанбек-батырю досталась пара пистолетов и «сабля с серебряною оправою»²⁴. Передача «жалованного» оружия сопровождалась специальной церемонией, в ходе которой степным правителям объявлялось, что дареными саблями они должны защищать подданных российской императрицы. Судя по всему, молодые султаны Нурали и Ерали приняли церемонию близко к сердцу. Они «скинули» висевшие на поясе клинки и заменили их на российские подарки. Позднее Ерали-султан был повторно награжден саблей, которая

на этот раз входила в комплект с ружьем и кольчатым «пансырем»²⁵. Другая «сабля с насечкою» была передана Нияз-батырю²⁶. В 1749 г. при утверждении Нурали-султана ханом Младшего жуза ему была вручена «золотая сабля», снабженная надписью «на русском и татарском языке»: «Божию Милостью, мы, Елизавета Первая, жалуем сею саблею подданного нашего Нурали хана киргиз-кайсацкого при учреждении его в сие достоинство. 26 февраля 1749 года»²⁷. В конце 1757 – начале 1758 г. указами императрицы Елизаветы Петровны сабли ценой в 90 руб., 55 руб. и в 120 руб. были дарованы Ерали-султану, Айчувак-султану и Аблай-султану соответственно. При чем мастерам было предписано сделать на клинках надпись на «русском и татарском языках»: «Божию милостию Елисавет первая, императрица и самодержица всероссийская пожаловала сею саблею своего киргиз-кайсацкого (имярек) солтана за его верную службу. В С.-Петербурге, 1758-го г.»²⁸. Практика дарения сабель представителям казахской знати сохранилась и в более поздний период. В фондах ЦГМРК хранится сабельный клинок, принадлежавший Шергазыхану (годы правления 1812–1824), содержащий надпись: «Божию Милостью Александр Первый император и самодержец всероссийский жалует сею саблею подданного своего Шергазы солтана киргиз-кайсацкой меньшей орды при учреждении его в ханское достоинство 1812 г.»²⁹.

Вокруг сабель, даруемых российским правительством, разгорались нешуточные страсти. Так, например, в 1743 г. в связи с агрессивными действиями Барак-султана сабля ему вручена не была, и по Степи сразу поползли слухи, что «акибы оная Джанбек-тархану подарена»³⁰. Степные владельцы чувствовали себя ущемленными, если их соседи и родственники получали жалованное оружие, а они нет. Так, например, Ходжа-Ахмет-султан жаловался российскому послу А.И. Тевкелеву: «При отпуске брату ево Ирали-салтану дано пансарь и ружье и сабля, а ему, Ходже-Ахметь-салтану, ис тех знаков, чем Е. и. в. служить, ничего не дано, и просит у него, бригадира Тевкелева, хотя б ему с насекою серебряною зделать велеть один сайдак и прислать к нему, чтоб того и киргисцы видели, что он от Е. и. в. всем награжден»³¹.

Следует подчеркнуть, что сабли, преподнесенные в дар российскими послами и чиновниками представителям казахской знати, не обязательно были изготовлены именно русскими оружейниками. Судя по клинкам, дошедшим до нашего времени, часть из них была

выкована иранскими и, возможно, турецкими мастерами. Но все они имеют очень высокое качество исполнения.

Таким образом, практика вручения казахской аристократии от имени «Белого царя» элитных сабель способствовала росту престижа российского клинкового оружия в казахских степях и росту его популярности среди высших слоев казахского общества.

Второй этап в распространении сабель в Казахстане характеризуется появлением у казахских номадов стандартизированных пехотных и кавалерийских сабель российского производства. В руках кочевников они оказывались в результате контрабандной торговли или в качестве военных трофеев. Значительное количество российских сабель попало в казахскую степь в ходе Пугачевского восстания 1773–1775 гг. По сообщению купца И. Житкова (1774), «нездешие ис Оренбурга, ис прочих крепостей за дровами, сеном и травую казаки и протчие люди продают народу их [казахам] ружья, тако ж свинец и порох, *сабли* (здесь и далее курсив наш. – Л. Б.) и копыя, по каковой же де притчине худые люди к злодейству и усиливаются»³².

Участие России в наполеоновских войнах также способствовало появлению у кочевников клинкового оружия европейского образца. В частности, его активно использовали воины башкирских полков, в состав которых входили подразделения казахов³³. После завершения заграничных походов российские уставные сабли и европейские трофеи были привезены кочевниками в родные степи, где стали объектом торговых сделок между башкирами, калмыками и казахами.

В первой половине XIX в. степи Казахстана стали ареной вооруженных столкновений российских и кокандских войск, масштабных народных восстаний, а также противоборства различных казахских родов, часть которых признавала сюзеренитет России, а другие – Коканда и Хивы. В этот период российскими саблями были вооружены некоторые казахские воины, действовавшие на стороне империи в борьбе со степными повстанцами и кокандскими войсками. В середине XIX в. ношение казахской знатью офицерских сабель российского производства было узаконено серией именных указов. Согласно решению № 31138 от 13.11.1856 г. всем султанам и «почетным киргизам» Среднего и Старшего жуза, имевшим офицерские чины, дозволялось носить штаб- и обер-офицерские погоны, которые нашивались непосредственно на «кафтаны» («народный костюм») и «сабли кавалерийские на золотых портупях»³⁴ (рис. 2). В приказе военного министра от 10. 08. 1859 г. право на ношение погон, эполетов

Рис. 2. Фотография знатного казаха с женой (г. Астрахань, 1873) РГО, Санкт-Петербург (РНБ, Д-К. – Б. м., 1873 г. Э АлТ 63/2-А 913 «Киргизский хан с женою». Светопись Вишневого)

Рис. 3. Фотография знатного казаха с женой («киргизский хан с женой»), вторая половина XIX в. (архив РГО Р.112, оп. 1. № 974, Санкт-Петербург)

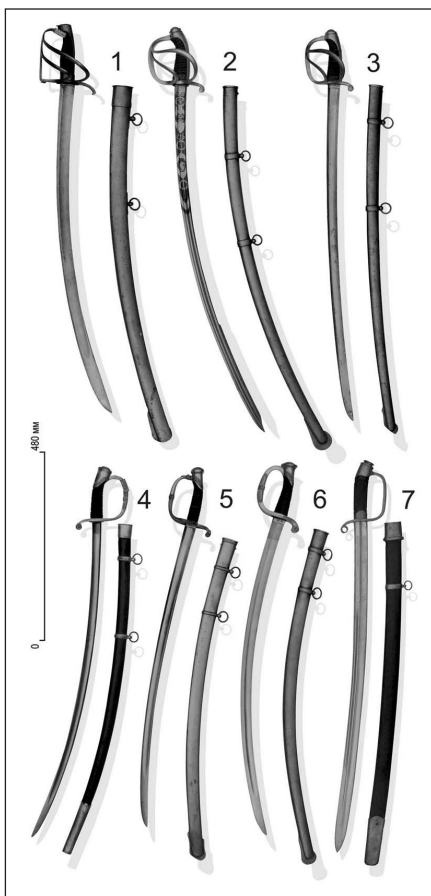

Рис. 4. «Депутация казахов Зайсанского края в Москве, имевшая счастье представляться Е. И. В.» 1873 г. (по: [Всемирная иллюстрация, 1873. Т. 9. С. 141])

и сабель было распространено на представителей всех трех жузов: «...носить на национальном костюме их в установленном порядке, кроме золотых плечевых погонов, и эполеты, чешуйчатые без номера со звездочками для различия чинов, а также кавалерийскую саблю на золотой поясной португее с красным подбоем»³⁵ (рис. 2, 3).

Сведения письменных источников находят подтверждение в вещественных и изобразительных материалах. В музейных и частных собраниях Республики Казахстан хранится несколько десятков сабель российского производства. Часть из них применялась казахскими воинами в XIX в., что зафиксировано изобразительными источниками (рисунками и фотографиями) (рис. 2, 3, 4). Сопоставление

**Рис. 5 (рис. Пронина А.О.).
Основные типы российских
сабель, применявшихся
казахскими воинами XIX в.:**
1 – кавалерийская сабля обр.
1809 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/86. Кн. № 11018);
2 – кавалерийская офицерская
сабля обр. 1817 г.
(ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/167. Кн. № 10771);
3 – кавалерийская
офицерская сабля
обр. 1827 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/213. Кн. № 21254);
4 – драгунская сабля
обр. 1841 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/62. Кн. № 12556);
5 – пехотная офицерская сабля
обр. 1855 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/704. Кн. № 10949);
6 – пехотная офицерская сабля
обр. 1865 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 114/464. Кн. № 11130);
7 – драгунская «шашка»
(сабля) обр. 1881 г.
(ВИМАИВиВС. Инв. № 117/84.
Кн. № 18492)

вещественных и изобразительных материалов с эталонными уставными образцами российского клинкового оружия позволяет выделить основные типы сабель (рис. 5), применявшихся казахскими воинами XIX в. В частности, выделены кавалерийские сабли обр. 1809 г. (рис. 5, 1) и 1827 г., кавалерийские офицерские сабли образца 1817 г. (рис. 5, 2) и 1827 г. (рис. 5, 3), пехотные офицерские сабли образца 1855 г. (рис. 5, 4) и 1865 г. (рис. 5, 5), драгунские сабли образца 1841 г. (рис. 5, 6), драгунские «шашки» (сабли) образца 1881 г. (рис. 5, 7)

Параметры сабель перечисленных образцов можно представить в виде таблицы (таблица 1, см. приложение).

Часть сабель подвергалась переделке казахами, однако большинство изменений затрагивает только декоративное оформление. Конструктивные изменения редки и касаются только рукояти и ножен. В ряде случаев сменена кожаная обтяжка рукояти, а проволока удалена.

Рис. 6. Дунганин Машхун, таранча Бушри Джалиев, киргиз Манап Шабдан Джантаев, переводчик Абдул Басит Юсупов – представители Семиреченской области, прибывшие в Москву ко дню Священного Коронования их Императорских величеств в 1883 году (Собрание РГО, СПб)

Рис. 7. Казахский сотник Султан Ахмет Кенисарин (первый слева) среди представителей Туркестанского края, прибывших в Москву ко дню Священного коронования их Императорских величеств в 1883 году (Собрание РГО, СПб)

На двух саблях переделано навершие рукояти. Применены темляки неуставного образца. На пяти ножнах заменена обтяжка и добавлены нехарактерные элементы (неуставные наконечники и пластины устья). На некоторых саблях обоймицы ножен переделаны таким образом, чтобы саблю можно было носить лезвием вниз.

Некоторые особенности распространения и бытования у казахов шашек «уставных» российских образцов представлены фотографиями последней трети XIX – начала XX вв., на которых запечатлены представители казахской знати и, в ряде случаев, чины российской администрации (рис. 6, 7). В то же время в музейных и частных собраниях Республики Казахстан хранится несколько десятков шашек российского производства, применение которых представителями казахской аристократии фиксируется изобразительными источниками³⁶. Сопоставление вещественных и изобразительных материалов с эталонными уставными образцами российского клинкового оружия позволяет выделить основные варианты шашек казачьего, артиллерийского и драгунского типов (рис. 8), применявшихся казахскими воинами XIX в. В частности выделены офицерская и солдатская шашки азиатского типа обр. 1834 г. (рис. 8, 1, 2), казачьи шашки нижних чинов и офицеров обр. 1838 г. (рис. 8, 3, 4), солдатская

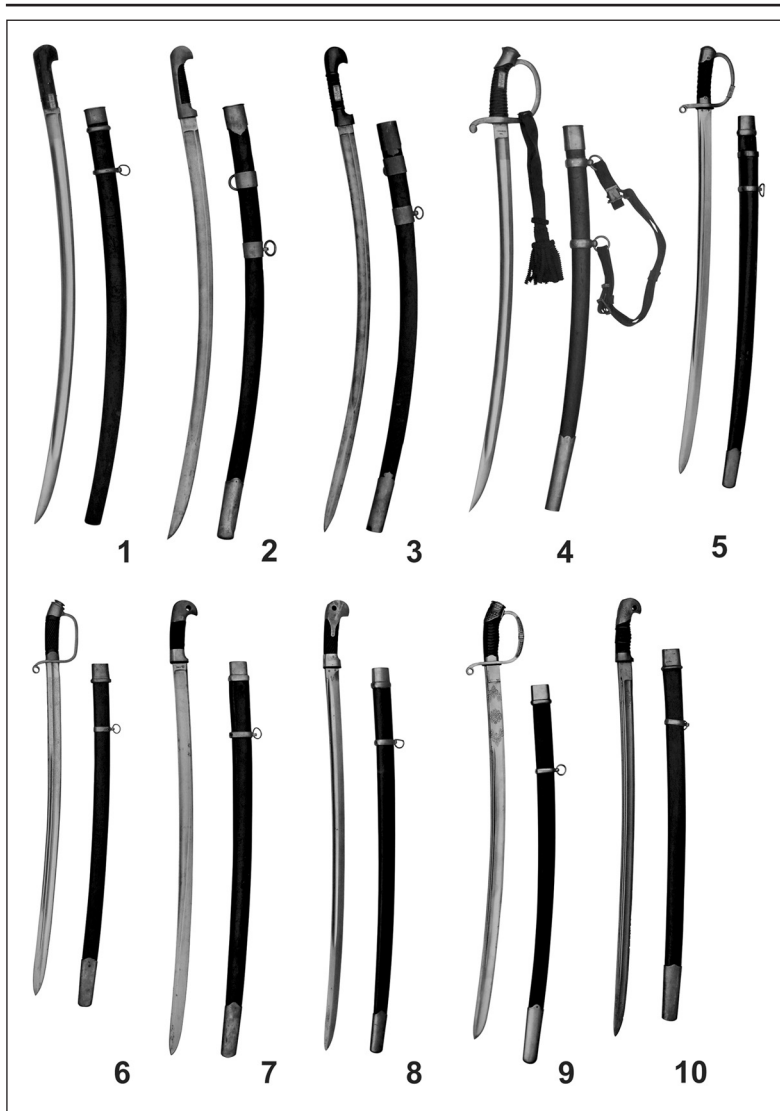

Рис. 8 (рис. Пронина А. О.). Основные варианты российских шашек, применявшихся казахскими воинами XIX в.:

1 – шашка азиатского образца, солдатская, обр. 1834 г. (ВИМАИВиВС. Инв. № 117/2. Кн. № 12429);

- 2 – шашка казачья нижних чинов обр. 1838 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/25. Кн. № 12441);
- 3 – шашка казачья офицерская обр. 1838 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/22. Кн. № 12438);
- 4 – шашка артиллерийская солдатская обр. 1868 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/56. Кн. № 18851);
- 5 – шашка драгунская солдатская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/507. Кн. № 17137);
- 6 – шашка драгунская офицерская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/84. Кн. № 18492);
- 7 – шашка казачья нижних чинов обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/600. Кн. № 17649);
- 8 – шашка казачья офицерская обр. 1881 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/619. Кн. № 17309);
- 9 – шашка драгунская офицерская обр. 1881/1909 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/752. Кн. № 12604);
- 10 – шашка казачья офицерская обр. 1881/1909 г. (ВИМАИВиВС.
Инв. № 117/553. Кн. № 15134)

артиллерийская шашка обр. 1868 г. (рис. 8, 5), драгунские офицерская и солдатская шашки обр. 1881 г. (рис. 8, 6, 7), казачьи шашки нижних чинов и офицеров обр. 1881 г. (рис. 8, 8, 9), казачьи офицерские шашки обр. 1881/1910 гг. как наиболее распространенные образцы, состоявшие на вооружении регулярных войск Российской империи. В силу своей распространенности такое оружие могло разными путями попадать в руки представителей кочевых народов.

Так, на одной из представленных в настоящей статье фотографий запечатлены четыре представителя казахской знати, прибывшие в Москву ко Дню Священного коронования их Императорских величеств в качестве представителей Семиреченской области в 1883 г. Они одеты в традиционные кафтаны и головные уборы (рис. 6). Наличие на плечах троих из них форменных российских эполет (в том числе чешуйчатых), а также шашек российского производства на плечевых португелях у всех, позволяет предположить, что фотография демонстрирует нам практику ношения российских знаков отличия и российского оружия на традиционной одежде, легализованную указом 1859 г. В то же время имеющаяся на двух шашках ясно различимая продольная наклонная насечка деревянных рукоятей и наличие у трех шашек раздвоенных металлических головок с отверстиями для темляка, равно как и стандартного металлического прибора ножен, позволяет соотнести их с казачьими офицерскими шашками образца 1881 г., т. е. принятыми на

вооружение всего за два года до даты снимка. Четвертая шашка, которую держит крайний справа человек в одежде без эполет, является, по всей видимости, шашкой «кавказского типа», выполненной по частному заказу, и отличается от известных нам уставных образцов некоторыми параметрами навершия рукояти, а также конструкцией и украшениями ножен. Следует также отметить, что владелец последней шашки носил ее по кавказской «моде» в сочетании с кинжалом «кама». Рукоять и ножны кинжала, а также головка рукояти шашки украшены растительным орнаментом, предположительно выполненным насечкой, травлением и чернением, что характерно для отделки холодного оружия кавказского производства. Изображенные на фотографии люди одеты в богато украшенную одежду и демонстрируют официальные награды Российской империи, в том числе нагрудные знаки, нагрудные и шейные медали и знаки отличия Военного ордена. Расцветка темляков на шашках (чередующиеся темные и светлые полосы) дает основание предполагать, что темляки либо сами шашки также являются наградными предметами.

На второй фотографии (рис. 7) изображена делегация представителей Туркестанского края из четырнадцати человек во главе с казахским сотником Султаном Ахметом Кенисариним (первый слева), также прибывшая в Москву ко дню Священного коронования их Императорских величеств в 1883 г. Тринадцать из изображенных на фотографии людей одеты в традиционную одежду и головные уборы, а еще один – в военное обмундирование периода 1880–1890-х гг. У семерых представителей среднеазиатской знати на традиционной одежде видны нагрудные и шейные наградные знаки Российской империи. Двое из них вооружены длинноклиновым оружием. Одна из шашек имеет характерные для кавказского оружия очертания головки рукояти, «утопленной в устье ножен», и конструкцию ножен и металлического прибора. Различимая на фотографии рукоять второй «шашки» имеет нехарактерные для кавказского оружия, и для уставных образцов российского оружия пропорции тонкой рукояти и г-образной головки, характерной, скорее, для сабель типа «клыч» или «шамшир». Параметры перечисленных образцов российских шашек можно представить в виде таблицы (таблица 2).

Часть шашек подвергалась переделке казахами, однако большинство изменений затрагивает только декоративное оформление. Конструктивные изменения редки и касаются только рукояти и ножен. В ряде случаев сменена кожаная обтяжка, удалена витая проволока

обмотки и переделано навершие рукояти, применены темляки неуставного вида, заменена обтяжка на ножнах либо добавлены нехарактерные для уставных образцов элементы (неуставные наконечники и пластины устья).

Необходимо отметить, что на протяжении XIX в. состоявшие на вооружении русских регулярных войск шашки постепенно меняли свою конструкцию. Одновременно с этим происходило количественное увеличение вооруженных шашками частей и вытеснение последними сабель. Один из наиболее авторитетных русских оружейных конструкторов первой половины XX в. В.Г. Федоров, подчеркивал, что такое прекрасное оружие, как шашка появилось на вооружении русской кавалерии в результате столкновений «с лихими наездниками Востока, прекрасно владевшими своим оружием, понимавшими в нем толк и выработавшими его не путем теоретических размышлений о более целесообразном его устройстве, но путем опыта, путем кровопролитных схваток и столкновений, не прекращавшихся среди воинственных племен Кавказа»³⁷. Со ссылкой на архив Главного артиллерийского управления штаба генерал-фельдцейхмейстера он также приводит мнение директора Тюльской фабрики (Франция) Монсо, которому в конце 1840-х гг. было поручено изготовить некоторое количество покрытых кожей ножен для драгунского образца шашки, принятой на вооружение. Оценивая принимаемые на вооружение регулярных войск Российской империи шашки (драгунскую обр. 1842 г. и казачью обр. 1839 г.) и сравнивая их с состоявшими на вооружении драгунскими саблями обр. 1842 г., Монсо оценивал широкий и довольно длинный и «не слишком кривой» клинок казачьей шашки как удобный для удара. По его мнению, драгунская сабля с ее слишком кривым, узким и недостаточно длинным клинком проигрывала шашкам в удобстве и рубки, и укола. Применительно к шашкам Монсо также отметил слишком легкий по сравнению с весом оконечности клинка эфес и отсутствие прикрытия для руки³⁸.

Применительно к шашкам драгунского типа обр. 1881 г., т. е. имевшим эфесы с дужками, В.Г. Федоров приводит результаты войсковых испытаний, проводившихся в начале 1840-х гг. в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде. По их итогам установлено, что эфесы новых шашек с дужкой более удобны в повседневной носке и эксплуатации по сравнению с массивными гардами предшествовавших шашкам легкокавалерийских сабель обр. 1814 г. При действиях у орудий, частых спешиваниях и соскакиваниях с лафетов и повозок, а

также от ударов о луку седел гарды легкокавалерийских сабель обр. 1814 г. (и сходных с ними) нередко гнулись, ломались и цеплялись за предметы снаряжения³⁹.

В дальнейшем состоявшее на вооружении русской армии холодное оружие было видоизменено в ходе масштабной реформы 1881 г., необходимость которой широко обсуждалась в военной печати вскоре после завершения Крымской кампании, и затем в ходе осмысления итогов Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Изучая опыт ее проведения, а также ссылаясь на выводы генерал-адъютанта Плаутина, изложенные в заключении Артиллерийского комитета 1859 г., В.Г. Федоров отметил следующие недостатки состоявших на вооружении русской армии образцов холодного оружия в сравнении с шашками:

- чрезмерная тяжесть палашей и сабель, полноценно владеть которыми и успешно применять их в реальном бою способны лишь люди, «одаренные необыкновенной силою»;

- чрезмерное отдаление центра тяжести клинка, крайне затруднявшее уверенное владение оружием (в некоторых палашах до 7 – 9 дюймов от эфеса);

- необходимость подгонки параметров холодного оружия под особенности анатомического строения бойца;

- форма сечения клинков (особенно для палашей);

- массивные эфесы, односторонние, плохое влияние на ход клинка, провоцирование поворота острия клинка в сторону, в то время как оружие с симметричным эфесом (массивный двойной у палашей, либо эфесы шашек всех типов и восточных сабель) такого недостатка лишено;

- тяжесть металлических ножен, шум в эксплуатации, легкость их деформации в полевых условиях и риск затупления такими ножнами клинка.

Подводя итог обзору российских сабель и шашек казахов XVIII в., необходимо отметить, что механизм обеспечения клинковым оружием кочевников, а также категории его потребителей несколько менялись на протяжении XVIII–XIX вв. Представляется возможным выделить три основных периода в распространении российских сабель среди казахов XVIII–XIX вв.

В 30–60-х гг. XVIII в. сабли включались в состав «государева жалованья», преподносимого в дар представителям казахской политической и военной элиты, принявшей российское подданство. Основ-

ными потребителями российских сабель в этот период были высшие слои казахского общества.

В последней трети XVIII – первой половине XIX вв. число потребителей сабель европейского образца существенно расширяется за счет воинов, сумевших приобрести клинковое оружие в ходе Пугачевского восстания, наполеоновских войн и боевых действий против степных повстанцев и среднеазиатских ханств.

В середине XIX в. российские власти официально узаконили ношение предметов клинкового вооружения российского образца представителями казахской служилой знати. Казахские воины второй половины XIX в., включенные в состав российских войск, активно использовали сабли и шашки российского производства.

В целом, на протяжении всего рассматриваемого периода доминирующим типом казахского длинноклинкового оружия продолжали оставаться «шамширы» среднеазиатского и иранского производства, однако значимость российского длинноклинкового оружия – сабель европейского образца и шашек – постепенно возрастала. Этот процесс был обусловлен несколькими причинами. Одной из важнейших была престижность российского оружия в глазах степной знати. Повышенный интерес к российской военной культуре в целом и клинковому оружию в частности подпитывался масштабными интеграционными процессами, усилением российского политического, административного и экономического влияния в Казахстане, вхождением степной аристократии в состав многонациональной элиты Российской империи, а также военными успехами российских войск в ходе военных кампаний в Средней Азии. Судя по рисункам и фотографиям, во второй половине XIX в. многие представители казахской знати нередко появлялись на публике с уставными саблями российского производства.

Однако главным конкурентом «шамширов» в Казахстане выступили не российские кавалерийские сабли, а шашки. В условиях вытеснения доспеха из широкого военного обихода, распространения и повышения эффективности огнестрельного оружия, снижения роли конной сабельной рубки роль легких и относительно дешевых (по сравнению с саблями) шашек постепенно возрастала. Искусственным фактором, препятствовавшим данному процессу, был официальный запрет на продажу вооружения кочевникам. Однако в XIX в. он нарушался все чаще и чаще. Важную роль в оснащении казахов шашками сыграли и изменения в оружейном производстве Бухары,

Коканда и Хивы. В первой половине XIX в. мастера Средней Азии познакомились с российскими шашками, освоили их производство и начали экспорт в казахские кочевья. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий XIX в. шашки поступали к казахам с севера (из России) и с юга (из Мавераннахра). Ч.Ч. Валиханов в своей знаменитой работе «Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи», написанной до 1861 г., отмечал, что в его время казахи стали применять «прямые, так называемые сапы или шапы, похожие на шашки, употребляемые в Средней Азии, но в старину это оружие мало употреблялось»⁴⁰. История появления и эволюции узбекских и казахских шашек будет рассмотрена нами в специальной работе.

По мере военных успехов российских войск в Средней Азии и включения в состав империи Кокандского ханства (1876), установления протектората над Бухарой (1873) и Хивой (1873) Казахская степь из опасной «пограничной полосы» превратилась в один из внутренних районов империи. Установление мира, прекращение междоусобных столкновений, устранение опасности вторжения со стороны иностранных государств способствовали упадку традиционных оружейных производств и импорта с территории Мавераннахра. Кроме того, российские власти запретили оружейникам городов Средней Азии выставлять оружие в свободную продажу. Приобретать его теперь могли только военнослужащие российских войск. Казахские воины, принимавшие участие в военных предприятиях российских войск второй половины XIX в., продолжали применять традиционные «шамширы», а также шашки и сабли российского образца. Сочетание традиционного среднеазиатского и российского клинкового вооружения сформировало оригинальный облик казахского длинно-клинкового оружия XIX в., представляющего собой яркий пример взаимодействия российских и казахских военных традиций.

---

¹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах V–XVIII вв. М.; Алма-Ата: Наука, 1936. С. 188.

² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: САНАТ, 1996. С. 312, 397.

³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. С. 303, 304.

⁴ Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 463–467.

⁵ Парамонов И.А. О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Выпуск второй.

Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М.: «Университетская типография (Катков и К^о)», 1872. С. 214.

⁶ Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011. С. 17, 21.

⁷ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 7. Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 299.

⁸ Пармонов И.А. Указ. соч. С. 217.

⁹ Там же. С. 214, 215.

¹⁰ Левшин А.И. Указ. соч. С. 312, 397; Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. С. 464.

¹¹ Слово «ружье» употреблено в значении «оружие».

¹² Т. е. казахи.

¹³ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI–XVIII в. о народах Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. С. 364.

¹⁴ Пармонов И.А. Указ. соч. С. 217.

¹⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 191.

¹⁶ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во Академии Наук Казахской ССР, 1961. С. 12.

¹⁷ История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Российского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005а. С. 6, 7.

¹⁸ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 260.

¹⁹ Там же. С. 261.

²⁰ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 42, 56.

²¹ Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматы-китап, 2007. С. 198.

²² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 359.

²³ Там же. С. 364.

²⁴ Казахско–русские отношения в XVI–XIII веках. С. 139.

²⁵ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы: Дайк-Пресс, 2005в. С. 252.

²⁶ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 155.

²⁷ Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 198.

²⁸ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 551.

²⁹ Ахметжан К.С. Указ. соч. С. 198.

³⁰ Казахско–русские отношения в XVI–XVIII веках. С. 301.

³¹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 3. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759). Алматы: Дайк-Пресс, 2005в. С. 252.

³² Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 45.

³³ Там же. С. 74–80.

³⁴ Далаева Т.Т. Военные функции казахских ханов и султанов в XVIII–XIX вв.: проблемы эволюции и трансформации // Роль номадов евразийских степей в развитии

мирового военного искусства. Алматы: Изд-во LEM, 2010. С. 364.

³⁵ Там же. С. 364–365.

³⁶ Бобров Л. А., Пронин А.О. Российские сабли казахских батыров // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 221–235, рис. 1, 2.

³⁷ Федоров В.Г. Холодное оружие. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 69.

³⁸ Там же. С. 72–73.

³⁹ Там же. С. 91.

⁴⁰ Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. С. 464.